

Валерий Базаров

Крутится, вертится шар голубой

Где брат твой...

От страха не в себе,
Один и неприкаян,
Вовсю гремит с небес –
Где брат твой? Где он, Каин?
И нечем отвечать,
И нет угла забиться.
Уже горит печать
На потном лбу убийцы.

* * *

Я в раздумье брожу по виа и пьядца Помпей,
не спеша прохожу сквозь домов опустевшие клетки,
тут и там натыкаюсь на здесь обитавших людей,
а точнее – на их живописно отлитые слепки.
Их засыпало пеплом, заслонила веков круговерть –
Геркуланум, Помпеи, Стабии...
Повелители мух им не слали из бункера смерть,
их никто не бомбил – они жертвами пали стихии.
Я иду напролом сквозь мгновения длившийся ад
и от мысли одной погружаюсь в мучительный ступор –
через десять веков на наречье чужом наугад
из десятков других назовут Мелитополь, Херсон, Мариуполь.

* * *

Старые правила новой игры,
Те же названия криком с газет.
Мюнхен мелькнул, провалился блицкриг...
И перестроилась свастика в «Зет».
По переулкам к реке кровосток,
В мертвых глазницах домов черно.
То, что не Запад шлет смерть, а Восток,
Наверно, истории все равно.
Брови нахмурил, суров суверен –
Стрелки на карте стремятся назад.
Полночь приблизилась... Где же ты, Венк?
Кто мне доглядит мундир на парад?
И повторяется старый ликбез –
Трудно в руке пистолет удержать...
В бункере с Евой он был или без,
Вряд ли захочет история знать.

* * *

Если б война убивала только плохих,
Если б война забирала только чужих,
Обходя далеко всех своих и родных стороной,
Мог бы плюнуть в сердцах и сказать – да черт с нею, с войной!
Но, быть может, плохие не так уж плохи?
Может, кто-то из них пишет любимой стихи?
Да и чужой, может, он не для всех далек
И для другого чужого зажег в ночи огонек...
А вот хороший бывает иногда нехорош,
И продаст своего, не поморщась, за медный грош...
Мне б подождать, разобраться, чего-то понять...
Только меня приучили не думать, научили стрелять.
Дайте, пожалуйста, мне хоть на миг тишины!
Но кто-то уже прицелился с той стороны.
Постой, погоди, я же свой, я хоро...
Но палец нажал, и я не услышал, как щелкнул курок...

* * *

Крылатые ангелы ада, ракеты к земле летят,
Драконьих зубов рассада, параболу смерти чертя.
Ударят быстрее звука, чтоб криков не слышать жертв.
Такая пошла наука – забота о нас, топ шер...
А лучше, пожалуй, ночью... гуманно убить во сне.
Как бы ушел между прочим – вот был, а вот уже не...
Период полураспада длится короткий миг,
Вот только плакать не надо, вон сколько нас таких.
Были чума и войны, будут и после нас...
Может, мы недостойны счастья для всех и сейчас?
Может, проект был сложен, вот и зашел не туда?
Может быть, может быть, может... но если зажглась звезда...
Если зажглась хоть одна звезда...

* * *

Крутится, вертится шар голубой,
Серая пыль по равнине рябой.
Серая пыль, серебристый ковыль –
Дней уходящих печальная быль.
Крутится, вертится шар голубой,
Волны кивают седой головой.
Боль не уходит с прибором в песок,
Пальчиком детским стучится в висок.
Крутятся черные в море шары,
Их разбросали для черной игры –
Жизнь так легко умножают на ноль,
Где-то бездомная бродит Ассоль.
Вот уж архангел подходит с трубой,
Чтобы умчать нас в простор голубой.
Крутится шарик, и нечего ныть,
Что оборвется когда-нибудь нить...

* * *

Рвутся бомбы, спорят бонзы
о конце начал,
на обочинах обозы,
замолчал причал.
На подворье гости строги –
матка, яйки, шнель!
А на них святой Георгий,
русская шинель.
Вылезай с подвала, Ганка,
обними, приветь –
нам еще шагать до Ганга,
лебенсраум ведь.
Набухают реки кровью
из варягов в грек...
за окном Средневековье –
двадцать первый век.

Беженка

ты бредешь легко ступая
чемодан в руке
разлилась судьба слепая
влагой по строке
от заката до рассвета
миллион подруг
нынче здесь а завтра где-то
и не замкнут круг
было небо море скалы
детские глаза
а теперь одна усталость
и уснуть нельзя
а когда домой вернешься
тенью по стене
и крылом плеча коснешься
знать пора и мне

День восьмой

Шесть дней творенья промелькнули,
Эксперимента номер шесть.
Устал творец, глаза сомкнулись,
И принеслась благая весть.
Что будет мир прекрасным, добрым
В безоблачной голубизне,
Недаром был в раю он собран
(Напомню – только в Божьем сне).
Был каждый, словно голубь, кроток,
Ягненку тигр и друг, и брат,
И не в чести костер с гарротой,
До старости дожил Сократ.
Здесь Вавилонской башни вышка
Антенной служит для 5g,
А если кот играет с мышкой,
То мышь от страха не дрожит...
Короче, все, что Он задумал,
Весь план, записанный в скрижаль,
Пред ним пронесся краткой суммой
(Во сне, напомню, как ни жаль).
Проснулся Он, отдернул шторы,
Увидел явь и задрожал –
Опять Содом, опять Гоморра!
...И кнопку красную нажал.

Star Wars

Сполоумели, гуманоиды?
Видно, мало родной земли –
Дотянулись до астероида,
Чтоб осталась лишь горсть золы.
Сколько радости – в пабах харкают,
Захлебнулся слюною чтец.
Что с того, что пожары в Харькове

Или в Киеве сбили ТЭЦ?
Что с того, что тропею адовой
По руинам бредет страна?
Что с того, что ракеты падают
И взрывается тишина?
Разверните ракет прицелы вы,
Астероиды нафиг вам?
Пусть сгорят их хоромы белые,
Словно ветхий лесной вигвам.
Набегут пусть гуртом пожарные –
Мол, курили там, где нельзя...
Догорит, и тогда – пожалуйста!
Пешку в дамки – и вон ферзя!
Что ж болеет цивилизация...
Пульс ее - общей крови бег.
Равнодушно кривую акции
Нарисует себе Блумбèрг.
Так чего вы решили, братчики?
Миру быть или быть войне?
А про то знают только вкладчики,
Да и то, может быть, во сне...

Сон разума

Сон разума рождает чудовищ.
Франсиско Гойя

Спит разум. У чудовищ нерест.
Торопятся у безвременья зон,
пока в горах не зеленеет вереск
и не наводит на чудовищ сон...
Чудовищу приснилось – он не огр.
Наоборот, он нежен, мягок, добр...
Для оскорбленных и униженных отец,
а кто не с ним, понятно, тем конец,

и инструменты, дыба да топор,
не заржавели с этих самых пор.
Теперь чудовище в кошмарном déjà vu –
работает во сне и наяву.
И хочет он понять, в чем сна иль яви суть
(ему бы с Гамлетом на миг перемигнуться),
чтоб мог он наконец без снов уснуть...
иль хоть в аду, но все-таки проснуться.
А разум спит. Как сладок его сон
и как он всем чудовищам на руку...
А что еще навывтворяет он,
узнаем мы наутро по фейсбуку.

Разорванная тишина

«...Спросите вы у тишины...»

Евг. Евтушенко

Хотят ли русские войны?
Спросил у грозной тишины...
но не ответила она,
разрывом бомб оглушена.
Тогда спросил я у солдат,
тех, что под Бахмутом лежат.
Ответить не успели мне
живьем сгоревшие в огне.
Они молчат, а их сыны,
увы, не будут рождены.
И я спросил у матерей,
кричавших чмобикам: «Убей!»
Но те застенчиво молчат
И прячут ключ от «Москвича».
Убиты дети их в бою,
упав на землю не свою...
Так, чтобы люди всей земли

спокойно видеть сны могли,
проснись, Нью-Йорк, вставай, Париж,
пока, мой Киев, ты горишь,
покуда дикая орда
с землей равняет города...
Спросите вы у сатаны:
хотят ли русские войны?
И Сатана всея Руси
ответит: «Мира не проси,
и в том огне, что я разжег,
сгорит к чертям прощенья Бог,
сгорят Шевченко и Толстой,
культуры общей тонкий слой.
Весь старый мир сождем в грозе,
построим новый, в стиле Z...»

Кого ж мы спрашивать должны,
хотят ли русские войны?

Когда-нибудь...

Когда-нибудь к весне растает лед,
Когда-нибудь домой вернуться птицы,
И пчелы зажужжат, пакуя в соты мед,
А бомб разрывы будут только сниться.

Когда-нибудь, когда небесный свод
Всем спектром на закате разгорится,
То это будет красок хоровод,
А не войны зловещие зарницы.

Когда-нибудь осядет пыль дорог
И цепью загремит ведро в кринице,
И переступишь вновь родной порог,
Забыв на красный угол поклониться.

Когда-нибудь проснешься на заре
От счастья жить, боясь пошевелиться,
И дробь дождя по лужам во дворе
Не позовет в убежище укрыться.

Надежда вьется Фениксом в руках,
Конец переливается в начало...
Как много раз на разных языках
«Когда-нибудь...» в ряду веков звучало!

